

наша русь

Лидия Грот

призвание варягов

норманнская
лжетеория и правда
о князе Рюрике

Лидия Павловна Грот
Призвание варягов.
Норманнская лжетеория
и правда о князе Рюрике
Серия «Наша Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011740

Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике.:

Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0126-1

Аннотация

Лидия Грот – кандидат исторических наук. Окончила восточный факультет ЛГУ, с 1981 года работала научным сотрудником Института Востоковедения АН СССР. С начала 90-х годов проживает в Швеции. Лидия Павловна широко известна своими трудами по начальному периоду истории Руси. В ее работах есть то, чего столь часто не хватает современным историкам: прекрасный стиль, интересные мысли и остроумные выводы. Активный критик норманнской теории происхождения русской государственности. Последние ее публикации серьезно подрывают норманистские позиции и научный авторитет многих статусных лиц в официальной среде, что приводит

к ожесточенной дискуссии вокруг сделанных ею выводов и яростным, отнюдь не академическим нападкам на историка-патриота. *Книга также издавалась под названием «Призвание варягов. Норманны, которых не было».*

Содержание

Вступление Национальная идея, национальная история и национальные интересы	5
Часть 1 Каким бывает «светлое прошлое»	10
Эпоха возрождения как переформатирование	10
Общественное переформатирование по-итальянски	19
Готицизм, или Обратная сторона гуманизма	23
О шведском готицизме и рудбекианизме как изложницах норманнизма	33
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лидия Павловна Грот

Призвание варягов.

Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике

Вступление Национальная идея, национальная история и национальные интересы

Известно, что более полутора десятков лет Правительство России, представители политических партий и различных общественных организаций, центральные научные центры заняты обсуждением и разработкой национальной идеи и других консолидирующих культурно-ценностных принципов, способных дать российскому обществу понятие общероссийской идентичности. Но пока цельной и убедительной концептуальной системы по данной проблеме так и не сложилось.

К решению задачи по формулированию национальной идеи призвал в свое время Б.Н. Ельцин, в результате чего с середины 90-х годов началось широкое обсуждение сущ-

ности национальной идеи в самых различных формах: на конференциях, на базе различных общественных форумов, в рамках исследовательских проектов и пр. Одновременно проявился и скепсис: дескать, обществу, занятому борьбой за выживание, поиски национальной идеи безразличны.

Однако серьезный интерес российских руководителей к проблеме консолидирующей системы ценностей продолжал оставаться и при президенте В.В. Путине. Об этом свидетельствует нашумевшая публикация одного из номеров еженедельника «Версия» за 2002 год, в которой рассказывалось о том, что президент Путин собрал на неофициальную встречу в Кремле ученых-историков и почти полтора часа потратил на беседу с ними. Ученых, как сообщает еженедельник, призывали для того, чтобы наметить основные вехи отечественной истории и на этой базе сформулировать национальную идею.

Одним из вопросов президента России был вопрос о том, возможно ли, опираясь на опыт русской государственности, выработать национальную идею? Но этот вопрос остался без ответа. «Никто этого не знает, – признался академик В.Л. Янин, – и мы этого не знаем». Далее, согласно статье в «Версии», следовали рассуждения в том духе, что в России сейчас доминирует мироощущение, которое наводит только на идеи о хлебе насущном.

К концу первого десятилетия, как можно было заметить, накал дискуссий по проблеме национальной идеи стал осты-

вать, однако декабрьские межэтнические волнения 2010 года резко поставили государство и общество России перед фактом того, что серьезная работа по выработке общероссийских консолидирующих идей – это насущная необходимость для страны. 11 февраля 2011 года в Уфе состоялось заседание Государственного совета, на котором обсуждались вопросы межнационального и межконфессионального согласия, а также – развития национальных культур. Научная общественность откликнулась рядом дискуссий, одной из которых стал «круглый стол» Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН в Институте социологии РАН, проведенный 14 марта 2011 года.

Материалы данных мероприятий показали, что обсуждения проводились на высоком профессиональном уровне, содержали множество глубоких мыслей, показали искреннюю заинтересованность всех участников найти действенные решения для назревших проблем. Но обнаружили они также и одну интересную особенность, на которую хотелось бы обратить внимание. При перечислении того, какой опыт уже существует в мире для решения проблем межнационального и межконфессионального сосуществования, политики и ученые называли опыт советский, американский и канадский, французский и английский, но ни разу не прозвучали призывы изучить опыт российский (имеется в виду российский опыт до 1917 года), хотя во многих выступлениях подчерки-

валось, что Россия – изначально страна полиэтническая.

Таким образом, как российские политики, так и российские ученые при рассмотрении проблематики межнациональных отношений готовы сосредоточиться либо на иностранном опыте, возникшем в условиях, несхожих с российскими, либо на советском опыте, просуществовавшем 73 года и закончившемся взрывом яростного национализма, и закрывают глаза на опыт наших предков, благодаря которому уникальный феномен российской полиэтничности родился и существовал в течение множества веков. Сам по себе этот факт можно расценить только одним образом: как фактически негативное отношение к тысячелетнему опыту отечественной истории. Факт этот усугубляется еще и тем, что в современной российской науке отсутствует до сих пор концепция национальной истории как единая система от ее истоков до наших дней, в силу чего российская история оказывается лишенной собственных корней.

Но тогда ответ на вопрос, почему национальная идея в руки не дается, напрашивается сам собой, ибо связь этой проблемы с историей очевидна. **Национальная идея – это детище национальной истории и плод национальной культуры**, которые вырастают из жизненного опыта всех предшествующих поколений наших предков как синтез того, что создано их руками и мыслью. А россияне вышли из распавшегося СССР, как уже было сказано, без цельной концепции своей национальной истории.

В предлагаемых ниже статьях мне хотелось бы на исторических примерах показать, какое значение для выхода общества из духовного кризиса имеет позитивное восприятие национальной истории, и, соответственно, продемонстрировать связь национальной истории с национальными интересами и национальной идеей.

Лидия Грот, кандидат исторических наук

Часть 1 Каким бывает «светлое прошлое»

Эпоха возрождения как перезагрузка

Понимание необходимости изображать прошлое своей страны и народа в сугубо позитивном ракурсе с целью создания здоровой историософии и искренней веры, необходимых для морального здоровья нации, уходит своими истоками к началу эпохи, которая получила название эпохи Возрождения.

В числе характеристик этой эпохи принято называть усиленное развитие товарно-денежных отношений, появление ранней буржуазии и соответствующее этим социально-экономическим переменам изменение общественного сознания. Лейтмотивом Возрождения называется гуманизм, под которым понимается интеллектуальное движение, направленное на «признание самодовлеющей значимости, неуязвимого достоинства человека, всего богатства творческих проявлений индивида в качестве высшего жизненного блага». Под покровом этих обобщающих описаний почти всегда скрывались конкретные действия конкретных людей, кото-

рые привели в действие процесс, вызвавший «переформатирование». Итак, конкретное место и время действия известны – это Италия XIV–XV веков.

Первыми гуманистами называют прославленных писателей Ф. Петрарку (1304–1374) и Дж. Боккаччо (1313–1375) – эти великие итальянцы были зачинателями среди тех, кто стал обращаться к изучению античности и стремиться в наследии античных авторов найти идеалы, нужные для их современников.

«С наибольшим рвением предавался я изучению древности, ибо время, в которое я жил, было мне всегда так не по душе», – писал Петрарка. Чем было вызвана устремленность в древнюю историю своей страны? Поиски ответа на этот вопрос приводят к некоторым корректировкам в общем мажорном ладе, доминирующем в создании образа эпохи Возрождения. Дело в том, что первая страна Возрождения – Италия в XIV–XV вв. представляла собой жалкую картину политического разлада и общественной деморализации при интенсивном экономическом и культурном развитии.

Вот что мы видим, например, в очерке о жизни Савонаролы:

«Во всей Италии было полное отсутствие общего национального духа, и даже само слово «Италия», не исчезнувшее из народного языка, в действительности не представляло никакого определенного понятия. Стремление к разрозненности не ограничивалось нескончаемыми спорами с близ-

кими или дальними соседями... Постоянное желание захватывать в свои руки власть возбуждало отдельные партии к взаимной вражде... Одерживая верх, победители пускали в ход кровавую расправу... Резня шла открытая и тайная, убивали на улицах среди бела дня и предательски, из-за угла. ...Тщеславие побуждало отдельных правителей щегольнуть перед врагами не только внешним могуществом, но и развитием в своих областях наук и искусств, которые были доведены в Италии до процветания, неизвестного в остальной Европе... Сами преемники св. Петра на папском престоле большие врагов христианства и католичества способствовали умалению значения папства... Никогда так низко не падал авторитет папской власти, как в пятнадцатом веке, хотя еще предательства и алчность папы Павла II (...) набросили достаточную тень на папство. Он сам мучил римских академиков, заподозренных в уважении к учениям Платона, и один из них даже умер от пытки в его руках.

...За Павлом II явился Сикст IV, и весь Рим стал указывать пальцами на кардиналов, продавших в священной коллегии свои голоса за его выбор... Дальнейший его путь был путем невообразимого разврата, алчного добывания денег всеми средствами и бешеной траты этих денег. ... Его кондотьеры заливали кровью Италию... Дело дошло до того, что в Риме насчитывалось по двести убийств в две недели. ...Ни одного дня не проходило в Риме без мелких убийств, так как за деньги убийцы оставались безнаказанными, «Бог

не желает смерти грешников, — глумились папские прислужники, — а пусть они платят и живут»... После смерти Иннокентия VIII для занятия вакантного престола нашелся Родриго Борджя, подкупивший пятнадцать кардиналов из двадцати избирателей и удостоившийся избрания под именем Александра VI. Он превзошел всех своих предшественников не только разгулом, предательством и убийствами, но и полным индифферентизмом в делах веры, когда эти дела не сулили ему каких-либо выгод.

Не лучшие были в это время и светские власти Италии — размеры их жестокости видны из многих примеров. Один из миланских правителей Галеаццо Сфорца расправлялся с виновными, приказывая зарывать их в землю по горло и кормить их нечистотами. При деморализованных правителях трудно было остаться нравственным обществом. Итальянские правители этого не понимали, бессознательно развращали народ и сами подрывали уважение к власти, подкапывая фундамент созданного ими же здания. О флорентийцах того времени, например, говорилось: «... Погрязшие в разгуле, они предавались бессменным оргиям. Они были заняты всякими предательствами, всякими преступлениями. Бессилие закона и отсутствие справедливости обеспечивали им полную безнаказанность... Они исполняли все медленно, лениво и беспорядочно, так как лень и низость были правилами их жизни». Эти слова можно было бы отнести к любому итальянскому городу того времени».

Сходную картину находим у известного российского историка и философа А.Ф. Лосева, который отмечал, что всякого рода разгул страстей, своеволия и распущенности достиг в возрожденческой Италии невероятных размеров. Священнослужители содержали мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома. Тогдашние писатели сравнивали монастыри то с разбойничьими вертепами, то с непотребными домами. Распущенностью и развратом прославились многие известные лица – князья, купцы, церковные деятели, в том числе и занимавшие папский престол. Центр культурной жизни Италии – Флоренция – раздиралась борьбой партий. Казни, убийства, пытки, заговоры являлись здесь нормой. А.Ф. Лосев охарактеризовал все это как «обратную сторону титанизма», из чего следует, что обрисованное падение нравов воспринималось им как прямое следствие гуманистических идей, основу которых составляла установка на индивидуалистическое самоутверждение личности. Именно такая трактовка и закрепилась в научной литературе.

Как бы то ни было, **низкие нравы, бесчинства толпы, коррумпированность властей открывают эпоху гуманизма в Италии.** Не случайно Петрарка заметил, что ему было не по душе время, в которое он жил. Но язва низких нравов точила Италию и до времени Петрарки. Старший современник Петрарки, великий автор «Божественной комедии» Данте Алигьери (1265–1321) был также изгнан из Флоренции, как и отец Петрарки, в силу политических коз-

ней и интриг. Флоренция и при жизни Данте была раздираема непрекращающейся борьбой за власть, жадой богатства, кровавыми казнями.

Папы из личного честолюбия беспрерывно призывали в Италию чужеземцев – английских, немецких, швейцарских или французских наемников – и затевали новые войны, сменяли правителей, осыпали богатствами и почестями своих сородичей. Раздоры возбуждались и городами, выступавшими против того или другого правящего дома, кондотьеры-наемники заливали кровью то одну, то другую часть Италии. Иногда на папском престоле оказывалось несколько пап, а в XIV в. папский престол на несколько десятилетий вообще покинул Италию.

Но все эти безобразия политического развития не выливались в экономическую разруху и оскудение жизни, поскольку приток богатств в Италию в средневековый и ренессансный периоды превышал их поглощение во время войн и других бедствий. Магистральные торговые пути шли через Византию и итальянские города, которые пользовались преимуществами от торговли с Востоком и с Причерноморьем: золото стекалось сюда со всех концов известного в то время мира. Грабительские крестовые походы были дополнительным источником притекающего «золотого руна» из других стран. Тщеславие правителей и городов придавало ускорение торговому обороту, непрекращающиеся заказы на предметы роскоши стимулировали развитие ремесел и искусств,

в силу чего общество не прозябало в нищете и убогости.

Однако, как явствует из взглядов Петрарки и Боккаччо, **состояние нравов итальянского общества вызывало беспокойство его интеллектуальных представителей.** Жизнь в постоянном хмельном угаре греховного праздника губительно сказывалась на нравственном здоровье народа. Общество разлагалось, захваченное алчным добыванием денег и бешеной тратой этих денег.

При жизни Петрарки и Боккаччо Рим утратил свое первенство как религиозный центр – папы покинули его и обосновались в Авиньоне. Именно на этом фоне в творчестве Петрарки и Боккаччо, их младших современников Колюччо Салютати (1331–1406) и Леонардо Бруни (1370–1444) получило развитие то направление итальянской общественной мысли, которое в дальнейшем стало называться гуманистическим от латинского обозначения программы гуманитарных наук **studia humanitatis.**

Таким образом, беспокойство за судьбы своего народа и страны, прежде всего осознанное представителями образованных кругов итальянского общества, оказывается тем субъективным фактором, который породил течение **гуманизма.** Итальянскому обществу не хватало объединяющей идеи, которая могла бы дать людям понимание общей цели, сплотить вокруг высоких идеалов и сделать из них жизнедеятельную нацию, способную защитить себя, если придет такое время, а не погибнуть как скот вокруг опустевшей

кормушки. Выбор таких объединяющих идей был невелик. **Идея «светлого будущего»** в образах райского блаженства была прерогативой церкви. Поэтому незанятой оставалась только **«идея «светлого прошлого»**, и два великих итальянца Петрарка и Боккаччо начинают возрождать перед взорами своих соотечественников величественные картины античности, которые в их восприятии были картинами истории предков итальянцев. Данная мысль не вполне совпадает с привычной нам социально-классовой трактовкой возникновения гуманизма как феномена, развившегося на фоне «ломки феодальных и возникновения раннекапиталистических отношений, усиления авторитета буржуазных прослоек общества».

Повышенный интерес к античной культуре у итальянских гуманистов был не чем иным, как интересом к историческому прошлому своего народа. И именно его стремился возродить Петрарка в своем сочинении «О славных мужах» (жизнеописание великих политических деятелей от Ромула до Цезаря, а также их исторических соперников), а также Боккаччо в его монументальном трактате по древнеримской мифологии «Генеалогия богов». Смысл?

Логичным может быть только одно объяснение: использовать позитивное изображение исторического прошлого как светоч для объединения соотечественников в обстановке деморализации общества. Это много позднее античность станет рассматриваться как

общеευропейское достояние, а для Петрарки и Боккаччо древнеримская античность была историческим прошлым итальянцев. Исходя из тогдашней картины жизни общества в итальянских городах, можно понять и «антропоморфизм» гуманизма: для спасения разлагающегося общества необходимо было встряхнуть человека, показать, что он – существо с великим внутренним потенциалом и безграничными возможностями к совершенствованию, что его предназначение – служение высшим целям и общему благу.

Это было началом грандиозного перереформатирования сознания, которое позже охватило всю Европу.

Общественное переформатирование по-итальянски

В духовной жизни общества религиозному учению должна обязательно сопутствовать светская идейная система. Вот ее-то, как видно, и пытались отыскать Петрарка и Боккаччо, а потом их последователи, предложив новый тип гуманитарного образования. Ядром новой образованности была сделана **история собственной страны, ее великое прошлое, на прославлении славных картин которого следовало начать воспитывать общество.**

Безусловно, генераторами новых идей в Италии выступили представители творческих интеллектуальных кругов, но утверждение и распространение их в итальянском обществе (а позднее и в других западноевропейских странах) происходило при активном участии и содействии итальянской политической верхушки, как светской, так и церковной. В этом смысле сложившийся в науке классический образ ренессансного гуманиста, как «свободного художника», на досуге предающегося вольным размышлениям на высокие темы и избегающего тянуть лямку службы, расходится с биографией многих реальных личностей. **Решающую роль в итальянском общественно-научном переформатировании сыграли именно политические деятели.**

Одним из первых, кто облек эти идеи в форму полити-

ческих сочинений, был Колюччо Салютати, флорентийский политик, поклонник Петрарки и друг Боккаччо. В 1375–1405 гг. он был канцлером Флорентийской республики, т. е. главой ее государственного органа управления, и держал в своих руках нити внутренней и внешней политики. Естественно, он располагал реальными возможностями создавать условия для организованного внедрения в обществе воззрений, которые должны были оказать благотворное влияние на сограждан. Его собственный дом стал своеобразной школой для молодежи, из числа которых вышли многие крупные политические деятели.

В трактатах и письмах Салютати красной нитью проходит мысль о том, что человек должен служить на благо своего общества и государства и что только это возвышает человека. Таким образом, он чутьем политика прозрел в поэтико-философских произведениях Петрарки и Боккаччо социально-оздоровительное содержание, которое следовало использовать в гражданственно-воспитательных целях для приостановки деморализации флорентийского общества.

Эту же линию проводил флорентийский политический деятель следующего поколения Леонардо Бруни (1370–1444), один из тех, кто был выпестован в кружке молодежи, собиравшемся в доме Салютати. Леонардо Бруни начал свою карьеру как секретарь папской курии, а в зрелые годы занял пост канцлера Флорентийской республики. И у него мы видим прагматическое преломление идеи возрождения антич-

ного наследия для воспитания гражданственности у соотечественников. Именно с его именем связано оформление новой системы гуманистического знания *studia humanitatis* – он впервые и использовал этот латинский термин, от которого пошло обозначение всего интеллектуального движения эпохи Возрождения как гуманизм.

Но Бруни не был бы политиком, если бы ограничился только реформой системы образования. Для него цель новой системы заключалась в том, чтобы поставить ее на службу воспитания граждан и подготовки их к политической жизни. Освоение античной философии молодыми итальянцами, согласно Бруни, должно было сочетаться с изучением творчества итальянских поэтов и мыслителей – Данте, Петрарки, Боккаччо, Салютати. Только такое комплексное образование могло, по мнению Бруни, подготовить подрастающие поколения для служения обществу.

Мысль, заслуживающая самого пристального внимания. Религиозное воспитание создавало чувство причастности к общеконфессиональному, интернациональному. Однако для полноценного развития обществу необходимо и чувство национального. Вот эту непрерывность традиции национального и представил Бруни своим соотечественникам: **у итальянцев было великое прошлое – античность, но значит есть и великое настоящее, ради чего стоит жить и творить.**

На мой взгляд, в работах ренессансоведов не была до

сих пор вычленена эта целенаправленная работа итальянских политиков по выработке национальной светской идеологии, с помощью которой, вкупе с идеологией сакральной – христианством, они стремились создать здоровую духовную культуру для жизнедеятельности своего общества. И именно данная часть гуманизма оказалась самой жизнеспособной.

Готицизм, или Обратная сторона гуманизма

Общеизвестно, что многие великие идеи эпохи Возрождения потерпели фактическое крушение в XVI–XVII веках: были погублены в процессах инквизиционных трибуналов, возрожденных с конца XV в., вымерли в ужасах и страданиях Великой крестьянской войны в Германии (1524–1526), потонули в крови религиозных войн во Франции, венцом которых стала Варфоломеевская ночь, развеяны в сражениях Тридцатилетней войны (1618–1648), раздавлены в Англии деспотией Генриха VIII, при власти которого, по выражению Томаса Мора, «овцы съели людей», а виселицы по дорогам стали непременным условием английского ландшафта.

Уже при жизни первых гуманистов было очевидно расхождение их возвышенных идеалов и реальной жизни западноевропейских обществ, т. е. **идеи свободы** оставались чаще всего только блесками в сплаве красноречия, если использовать характеристику известного ренессансоведа И.О. Кристеллера.

В «Истории флорентийского народа» Бруни трезво оценивал ситуацию в столь прославляемой им Флоренции: «Поверьте мне, мы подавлены уже давно и сносим в действительности постыдное рабство при сохранении пустого имени прекрасной свободы».

Но идею итальянских гуманистов о воспитании общества на основе прославления славного прошлого его предков ждала иная судьба. Неустанная и длительная работа итальянских политиков, представителей купечества и аристократии, поэтов, мыслителей, художников по внедрению в сознание флорентийцев, венецианцев, римлян мысли о том, что их всех объединяет единое великое прошлое, увенчалась успехом. **Мысль о том, что античность – это то прошлое, которым всем итальянцам надо гордиться и осознавать себя его неотъемлемой частью, сделалась стержнем, вокруг которого стало концентрироваться идейное развитие итальянского общества и который стал важнейшим фактором в процессе формирования итальянской нации.**

Однако отношение итальянского гуманизма с историей имело две стороны. Одна – лицевая, которая была представлена выше и которая заключала в себе идею прославления своего исторического прошлого, а другая являла собой оборотную сторону итальянского гуманизма, или *eine Kehrseite*, по определению шведского историка Свеннунга. Она сложилась как феномен, который в литературе получил наименование **антиготская пропаганда.**

Дело в том, что в деятельности итальянских гуманистов, параллельно с возвеличиванием своего славного прошлого, набрало силу очернение исторического прошлого своих соседей – североевропейских народов – в форме поругания

готского начала, как разрушителя великой античной культуры Рима. О готском периоде как «темных веках» писал и Петрарка, и его окружение. Эта мысль получила последовательное развитие в трудах итальянских политиков, занимавшихся историей.

Данный исторический подход утвердился и присутствовал как общепринятый и классический у политического деятеля и историка следующего поколения, знаменитого Никколо Макиавелли. Его «История Флоренции» уже привычно начиналась с разрушения Римской империи вестготами и другими народами, «жившими севернее Рейна и Дуная». Тысячелетие, последовавшее за этими событиями, характеризуется им как время бедствий. «Готское» сделалось синонимом «варварского».

Исследователь проблемы «готики» в историографии Йозеф Хаслаг отмечал, что итальянский гуманизм прочно связывал имя готов с крушением Римской империи и с уничтожением культуры и науки. Готы представлялись как передовой отряд варваров, который был не только разрушителем культуры, но и началом, враждебным всяческой культуре. О них писали, что они положили начало темному, варварскому периоду в истории Европы. Готы увязывались в единый исторический контекст с понятием «Средние века», также созданным Ренессансом. В качестве горячих проводников этой идеи Хаслаг называет, помимо Н.Макиавелли, итальянского политика и историка Донато Джанотти. В его труде «Libro de

la republica de Vinitiani» красной нитью проводилась мысль о готах как разрушителях Рима и о готском периоде как нашествии варваров.

Филология кватроченто рассматривала готов не только как разрушителей римской культуры вообще, но на них возлагалась ответственность за падение уровня латинского языка в Средневековье и за плохую сохранность древних рукописей монахами. Хаслаг называет крупного итальянского гуманиста Лоренцо Валла, который в своем прославленном сочинении «О красотах латинского языка» («*Elegantium Libri Sex*») писал, что борьба за чистоту латинского языка – это преодоление его дегенерации, обусловленной готским влиянием. Антиготский настрой итальянского гуманизма не миновал и готской традиции в архитектуре. Согласно Свеннунгу, представители итальянского ренессанса с глубоким презрением отзывались о позднесредневековой архитектуре Италии, связывая ее с готами, и всячески восхваляли и любовались античными, «классическими» архитектурными формами.

Эти «антиготские» идеи, как сказано выше, достигли кульминации своего развития к XVI веку и пронизывали все творчество итальянских гуманистов от исторических до литературно-поэтических сочинений. Антиготская пропаганда, сложившись в устойчивую историографическую традицию итальянского гуманизма, задевала человеческое достоинство многих европейских народов. Но больше всего мише-

ную антиготских нападков итальянских гуманистов осознавало себя немецкоязычное население Священной Римской империи, т. е. население Германии, а также ощущавшие свое родство с ним представители образованных слоев скандинавских стран. В Германии постепенно получило развитие негативное отношение ко всему итальянскому или римскому.

Эта реакция на идеи итальянского Возрождения в германских городах начала проявляться на рубеже XV–XVI вв., вкуче с протестом против католической церкви, вылившемся в идейно-политическое движение Реформации XVI века. Главной мыслью первых немецких реформаторов, которых традиционно называют также и гуманистами, был призыв к борьбе против чужеземного ига, под которым понималась власть римско-католической церкви. Их призывы освободиться от «папской тирании» пронизывала истинно ядовитая злоба, направленная против Рима.

Ульрих фон Гуттен, один из первых гуманистов Германии, писал: *«Решительно покончим с папской тиранией ... Я готов смириться со смертью, но не с жалким рабством».*

Итак, те же призывы к свободе, как и у итальянских гуманистов, но острие их было нацелено против Рима, а не устремлено к возрождению величия Вечного города, за что ратовали итальянские гуманисты. Получается так, что **гуманизм распространялся в Западной Европе не как единое течение, а как ряд противоборствующих течений.**

Но, может, в немецких городах было меньше свобод и денег, чем в итальянских городах, отсюда и призывы немецких гуманистов свергнуть папскую тиранию? Вовсе нет. Немецкие города были издавна объединены в союзы: Ганза, союз Рейнских городов, союз швабских городов, которые успешно защищали свои права, вольности и возможность вести прибыльную торговлю. Даже «чистотой» нравов жизнь в немецких городах была схожа с итальянской жизнью. Т.Н. Грановский писал об этом периоде: *«Каждый из значительных городов Германии имел свои страшные революции, в которых гибли лучшие граждане. Можно привести тому много примеров; уже в летописи города Роттенбурга видно, что с 1300 по 1450 г. этот город каждый год вел, по крайней мере, одну войну, иногда три, потом это не изменялось до конца XV столетия; иногда бывало даже хуже, как в 1500 г.: город Нюрнберг окружен был со всех сторон хищными рыцарями, грабившими купцов городских; горожане его прославились счастливыми экспедициями против рыцарей: без суда вешали они на своих городских башнях всех попавшихся им в плен рыцарей. К началу XVI столетия относится один любопытный памятник: записки рыцаря Гетца von Berlichingen. Он описывает сам свои подвиги, большей частью заключающиеся в разбоях на большой дороге, ограблении купцов, нападении врасплох на города. «Раз утром, – говорит он, – выехал я один в поле и подождал обоз; передо мной пробежала стая голодных волков; бог помочь, добрые*

товарищи, – сказал я им. – Вы отправляетесь за тем же, как и я; и это показалось мне счастливым предзнаменованием».

В этой общественной среде, схожей с итальянской **разлагающим отсутствием консолидирующей идеи**, с конца XV – начала XVI вв. стало складываться особое интеллектуальное и идейно-политическое движение протеста – готицизм. Его сторонники стремились возродить и показать великое историческое прошлое древнего народа готов, прямыми предками которого считали себя народы Германии и скандинавских стран, что породило со временем умозрительное тождество готского и германского. Как видим, и в этих странах стремление спасти человеческое достоинство общества пробудило интерес к родной истории, но кроме того и приняло форму защиты своего исторического прошлого от нападок иноземных клеветников.

Характеризуя эту ответную реакцию, Свеннунг отмечал, что ревностное изучение античных авторов, благодаря которому итальянцы открыли миру величие древнеримской империи, уничтоженное германцами, в немецкой среде вылилось в не менее ревностное изучение немецких источников или источников, с помощью которых можно было бы ослабить или полностью опровергнуть обвинения итальянских гуманистов. В этой обстановке европейскому миру были заново открыты сочинения древнеримского историка Тацита, в частности его «Германия», и готского историка Иордана.

Одним из первых исторических произведений, возвеличивших германскую древность, стало произведение Франциска Иреника под названием «Germaniae exegesis», появившееся в 1518 году. В нем автор прославлял высокие моральные качества, отличающие германские народы: братскую любовь друг к другу, геройский дух – созидатель сильных держав в Европе, вечное преклонение перед мудростью и справедливостью, постижение христианского учения ранее других народов. В силу этого германцы провозглашались законными наследниками Римской империи. По замечанию шведского историка Курта Юханнессона, Иреником были сформулированы идеи, заложившие основы западноевропейского историописания, сохранившие свое влияние до наших дней.

Я бы несколько скорректировала эти слова и сказала, что **Иреник заложил основы готицизма, которые стали становым хребтом значительной части западноевропейской историографии, пронесшим через века мысль о германских завоеваниях как причине возникновения государственности в Европе.** Интересно, что Иреник обсуждал план своего труда с другими немецкими историками и по требованию Виллибальда Пиркхеймера, которого шведский историк Юханнессон назвал Нестором немецких гуманистов, включил готов в число германских народов, что и оформило идею тождества готского и германского, столь привычную нам.

Возникнув в нездоровой обстановке несправедливых об-

винений и предъявления абсурдных исторических «счетов», готицизм изначально был обречен сделаться рассадником исторических мифов и утопических взглядов, во что он на самом деле и воплотился.

В завершение этого краткого обзора необходимо отметить, что исторические препирательства между представителями итальянской гуманистической историографии и сторонниками готицизма стали фоном для еще одного идейного противостояния в Западной Европе, а именно, славяно-германского.

Для представителей готицизма стремление защитить историческое прошлое германских народов от критики итальянских гуманистов вылилось в упорное желание отыскать объект, на который можно было бы, в свою очередь, перенести обвинения в варварстве, темноте, неспособности к цивилизованному развитию. Такой объект был отождествлен со славянскими народами. Сам по себе этот спор – целиком и полностью порождение западноевропейской идейной традиции, перенесенной в Россию в XVIII веке Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером, А.Л. Шлецером, а также другими представителями западноевропейской общественной мысли, вместе с набором представлений, известных в науке под названием **норманнская теория**.

XVIII век стал тем временем, когда многие из западноевропейских историографических представлений, сложившихся в течение предыдущих столетий, стали достоянием

русской общественной мысли и начали влиять на развитие русской исторической науки.

О шведском готицизме и рудбекианизме как изложницах норманизма

XVI в. был во многом переломным периодом в развитии историографии многих стран Западной Европы. В это время в Европе интенсивно развивался процесс накопления исторических знаний друг о друге: извлекались из библиотек забытые источники, фиксировалась устная традиция, шел отбор материала о наиболее существенных исторических событиях европейской истории. Но параллельно в западно-европейской историографии нарастала и другая тенденция – тенденция мифологизирования исторического прошлого своих народов, где наиболее активную роль сыграли представители готицизма.

Представители немецкого готицизма создали конструктив тождества *готского* и *германского*. Кроме того, Пиркхеймер предложил упомянуть и шведов как один из народов «на германских островах»¹, что было естественно, поскольку юг Швеции стал мыслиться как прародина готов. Таким образом, тождественность германского и шведского, сиречь скандинавского, которым с такой легкостью оперируют со-

¹ Johannesson K. *Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som Politiker och historiker*. Stockholm, 1982. S. 118.

временные норманнисты, является не естественным результатом исторического развития, а – рукотворным произведением ученой среды Германии XVI века.

Включение Швеции как прародины готов в искусственный гото-германский историографический симбиоз вдохновило шведских историков и литераторов XVI в. на создание исторических произведений, бравадно прославлявших воображаемое величие древнешведской истории. Шведский историк Нордстрем отмечал, что романтика готицизма была формой национального самоутверждения в условиях римско-католической культурной гегемонии. Римское и готическое провозглашались итальянскими гуманистами как антиподы, соотношение между которыми было равнозначно соотношению понятий «культура» и «варварство». «Потомки римлян, – писал Нордстрем, – они не забыли чужеземное владычество в Италии выходцев с Севера, поэтому «готское» стало для них ненавистным эпитетом всего, что было чуждым их латинскому классицизму. Но уже в ранний период поднимается в нас чувство патриотизма против изысканного отвращения гуманистов к готскому имени... И тон здесь был задан Юханнесом Магнусом»².

По единодушному мнению шведских историков, И.Магнус (1488–1544) был самой крупной фигурой шведского готицизма. Большую часть своей жизни И.Магнус провел за пределами Швеции, в европейских центрах гуманизма, где

² Nordstrom J. De yverbornes ö. Sextonhundratalsstudier. Stockholm, 1934. S. 98.

ревностно стремился отстаивать идею древности Швеции и ее особую миссию. И. Магнус с юности посвятил себя духовной карьере и в 1517 г. как полномочный шведский легат был направлен в Рим, где сразу же оказался вовлеченным в водоворот идейного противоборства, царившего в Италии. В 1517 г. вышел труд польского историка М.Меховского «Трактат о двух Сарматиях», где автор, согласно с античной традицией, упоминал и готов как народ, живший у Черного моря и в Малой Азии, откуда они и начали завоевания и миграции. И.Магнус сразу же отреагировал письмом протеста Меховскому, поскольку усмотрел в его работе посягание на идею происхождения готов из Швеции.

Меховский опубликовал письмо Магнуса вместе со своим язвительным ответом на него, где написал, что для него очевидно, что его молодой друг начитался рассказов старинных писателей о густонаселенном острове *Скандия*. Но почему он верит им более, чем своим собственным впечатлениям? По дороге в Рим он мог осознать, насколько мал и беден Скандинавский полуостров. Как же он или другие представители готицизма смогут когда-нибудь доказать, что вестготы и остготы вышли с нынешнего Скандинавского полуострова, из тех его двух областей, которые носят созвучные названия, хотя нет ни одного датского, шведского или готского источника того периода.

Уничжительный ответ Меховского послужил, возможно, решающим толчком, под воздействием которого И.Магнус

обратился к написанию шведской истории, или истории о конунгах готов и свеев в духе готицизма. Главными источниками для него стали его шведский предшественник Эрик Олай (ум.1486), прославлявший остров Скандию как родину готов, завоевавших Рим, и немецкий историк и теолог Кранц, также популяризовавший сведения из сочинения готского историка Иордана. Над своим произведением И.Магнус работал до самой смерти в 1544 г., хотя его первый вариант был завершен уже в 1540 году. Опубликовано оно было братом И.Магнуса, Олафом Магнусом, под названием «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*» в 1554 г. в Риме, в типографии приюта Святой Биргитты (1303–1373), известной шведской религиозной деятельницы, скончавшейся в Риме и причисленной католической церковью к лику святых. После этого труд И. Магнуса издавался в Базеле в 1558 г., в Кёльне в 1567 г. и стал постепенно одним из наиболее популярных сочинений. Современник Магнуса, датский профессор Ханс Мюнстер с неудовольствием писал в 1559 г. из Лондона, что история о королях готов и свеев раскупается в Лондоне нарасхват, и вместе с этим распространяются среди доверчивых иностранцев беспочвенные вымыслы «великого Гота» (т. е. И. Магнуса), что датскому королю тоже следует найти автора, способного создать подобный труд о Дании³.

Важно учитывать, что готицизм, зародившись как дви-

³ Johannesson K. Op.cit. S. 103

жение идейного протеста и стремления отстоять достоинство исторических судеб германоязычных народов, с самого начала развивался при активной поддержке правителей этих стран. Так, идеи готицизма крайне интересовали шведских правителей периода Кальмарской унии (уния между Данией, Швецией и Норвегией, существовавшая с перерывами с 1389 г. по 1520-е гг.), поскольку в них усматривалась возможность для культурно-идеологического обоснования стремления шведской знати разорвать Кальмарскую унию и восстановить суверенитет шведской короны. Отыскание и подбор аргументов, которые доказывали бы первенство и особое положение Швеции в реконструируемой древней истории готов, становились насущной политической задачей. В силу этого небезосновательно предположение о том, что именно по инициативе шведского короля Карла Кнутссона (1409–1470) писал шведский историк Эрик Олай свою историю Швеции на латыни под названием «*Chronica regni Gothorum*», обращая тем самым к ученым кругам всей Европы и придав ей форму хроники готских королей, где исходным пунктом был мотив о готах – выходцах с острова Скандии, взятый у Иордана. Скандия у Эрика Олая безусловно отождествлялась со Швецией. Карл Кнутссон был активным противником королей унии – Кристоффера Баварского (1441–1448) и датского Кристиана I (1457–1464). Для осуществления своих политических амбиций он нуждался в исторической доктрине, обосновывавшей превосход-

ство Швеции среди других скандинавских стран. Героическое прошлое готов как прямых предков королей Швеции и как преамбулы к панораме шведской истории было созвучно его целям. При поддержке королевской власти идея Швеции как прародины готов быстро укоренилась в шведской историографии и получила дальнейшее развитие в последующие годы, в частности, при дворе правителя Швеции Стена Стюре Младшего (1512–1520), который также видел в готицизме идеи, полезные для обоснования легитимности независимости шведской королевской власти. И.Магнус был посланцем Стена Стюре в Риме, и отсюда понятна его горячая увлеченность готицизмом, а также та запальчивость, с которой он опровергал Меховского, критиковавшего мысль о Швеции как прародине готов. В качестве посланца шведского правителя И.Магнус отстаивал официальную линию шведского двора. При короле Густаве Вазе (1521–1560) идея готского происхождения шведских королей стала официальной догмой. Историческая версия И.Магнуса, связывавшая династию Ваза с героическим прошлым древних готов, ласкала воображение представителей этой династии. Труд И.Магнуса сделался официальной историей Швеции вплоть до XVIII в. При Густаве Вазе он рассматривался и как актуальная политическая идеология, в силу чего все историки, ставившие под сомнение основополагающую для готицизма идею отождествления Швеции с прародиной готов, рисковали жизнью. Так случилось, например, с современни-

ком И. Магнуса, историком и реформатором шведской церкви Олафом Петри (1493–1552), приговоренным к смертной казни за свою «Шведскую хронику», в которой он раскритиковал идею Швеции как прародины готов. И объяснить это несложно. Ведь совсем недавно – в 1523 г. – Густав Ваза принял в свое управление страну, разоренную и залитую кровью в бесчисленных сражениях и битвах между представителями шведской знати и королями Кальмарской унии – выходцами из Дании, Поморско-Мекленбургского дома или Баварии. Первый период его правления был отмечен рядом крупных восстаний в разных областях Швеции, что было реакцией на ужесточенную налоговую политику, а также на религиозную реформу и введение лютеранства вместо католичества. Для объединения растерзанной страны в функционирующий организм Густаву Вазе, как воздух, нужна была соответствующая идеология, основанная на национальной идее, способной объединить страну. Мысль о том, что объединяющая национальная идея – это детище национальной истории, представленной картинами славного прошлого народа, уже более полутора столетий осваивалась западноевропейским гуманизмом. Попытки приписать историю древнего народа готов как пролог к шведской истории предпринимались еще при предшественниках Густава Вазы и уже тогда использовались в обоснование особых политических амбиций шведских правителей, что приходилось под стать общему духу развития в немецкоязычных странах.

Обнаруженная Пиколломини в 1450 г. рукопись труда Иордана «Getica» была использована в 1470 г. Эриком Ола-ем в его вышеупомянутой латиноязычной истории готских правителей – выходцев из Скандии, в его версии – Швеции. С течением десятилетий миф готицизма рос и набирал силу. В 1515 г. рукопись Иордана была впервые опубликована немецким гуманистом Конрадом Певтингером, а в 1519 г. увидело свет первое научное издание «Германии» Тацита, подготовленное эльзасским историком Беатусом Ренанусом. Одновременно теолог и историк Кранц (ум.1517 г.) создал свою «Датскую, шведскую и норвежскую хронику», где ее значительная часть была посвящена истории готов, взятой из рукописи Иордана. Вот на этой базе немецкие историки Иреник, Пиркхеймер и другие как раз и стали конструировать схоластическую систему готско-германского единства, в которую были включены и шведы. Готицизм обретал свою легенду, свой концептуальный костяк. В данных обстоятельствах шведскому королю Густаву Вазе просто необходимо было представить «германскому» миру свой исторический труд, который на новом витке готицизма закрепил бы за Швецией сиятельный венец прародинны готов и дал бы династии Ваза древние корни.

С интересом следил Густав Ваза за работами немецких историков. Большой интерес вызвало у него творчество авторитетного немецкого гуманиста С.Мюнстера, основной труд которого «Космография» вышел на немецком языке

в 1543 г., после чего переиздавался 45 раз на шести различных языках. «Космографии» Мюнстера многие хотели придать значение продолжения традиций Тацитовой «Германии». Густав Ваза очень интересовался работой Мюнстера и передавал ему свои пожелания написать труд, который вернет готскому имени тот блеск, который озарял имя готов в трудах древних писателей. Свою «Космографию» Мюнстер посвятил Густаву Вазе. В его труде представлено множество сведений как о землях и народах Европы, так и о наиболее значительных европейских правителях и династиях. Среди прочих правителей был назван Мюнстером и древнерусский князь Рюрик, призванный в Новгород из народа вагров, или варягов, главным городом которых был Любек («... aus den Völckern Wagrii oder Waregi genannt, deren Hauptstatt war Lübeck»)⁴. Никаких протестов со стороны Густава Вазы это сообщение не вызвало – миф о Рюрике из Швеции еще не был рожден. Около 1550 г. Густав Ваза обратился к герцогу Модены с просьбой сделать для него копию с портрета одного из предков шведских королей, сохранившегося в Италии. Возможно, как считает шведский историк Юханнессон, имелся в виду портрет Теодерика, Тотилы или какого-то другого остготского короля и в планах Густава Вазы было создать портретную галерею, которая, что называется, наглядно бы демонстрировала генетическую связь династии

⁴ Münster S. *Cosmographia*. Basel, 1628. Faksimile – Druck nach dem Original von 1628. Lindau, 1978. S. 1420.

Ваза с героическим готским прошлым.

На этом фоне становится понятным, почему хроника И. Магнуса о конунгах свеев и готов была принята Густавом Вазой и его преемниками как официальная история Швеции. Труд И. Магнуса заполнял идеологическую лакуну, создавшуюся в шведском обществе, приняв за историческую данность все фантомы готицизма и создав из них грандиозную феерию в качестве пролога к шведской истории. Говоря современным языком, в период правления Густава Вазы хроника Магнуса явилась политически корректным трудом, и именно поэтому она была призвана стать официальной историей Швеции и влиять на умы общества страны вплоть до XVIII века. К XVIII в. барочная пышность изображений готских подвигов стала изживать себя, на смену им стали приходить другие идеологические концепции, и историческая мысль Швеции, сделав виток, отринула Иоанна Магнуса. Но как шутили когда-то, культ умирает, но служители остаются: часть исторического наследия И. Магнуса законсервировалась в трудах последующих поколений шведских историков и получила новое рождение под иными личинами. Приведу несколько выдержек из труда И. Магнуса, поскольку в них можно обнаружить много идей, легко узнаваемых в трудах современных норманистов.

Главным источником для И. Магнуса являлся, безусловно, готский историк Иордан. Но рассказ у Иордана об острове «Scandza» весьма скуп. Он кратко сообщает о том, как го-

ты отплыли с острова под предводительством короля Берика (Иордан – единственный автор, который упоминает Берика), после чего достигли устья Вислы, подчинили или потеснили народы южнобалтийского побережья, а по прошествии многих лет продолжили свое движение к югу. Шведский историк Нордстрем пишет, что из нескольких строчек Иордана И. Магнус создал пространное историческое полотно в жанре свободной фантазии. Три корабля Иордана, на которых готы покинули Скандзу, разрослись у Магнуса в целую флотилию, пара слов о победе над вандалами – в насыщенные подробностями батальные сцены с демонстрацией блистательных побед готов по всему балтийскому побережью от Прибалтики до Мекленбурга, с перечислением имен готских правителей, которых не знает ни один источник. Под пером И. Магнуса весь регион Балтийского моря превратился в гигантскую готскую державу, управляемую победоносными и могущественными готскими конунгами и просуществовавшую около ста лет, чтобы далее продолжить свою блистательную историю в южных землях, в Причерноморье, где готы стали выступать под именем скифов⁵. Смелою рукою вводит Магнус в свое произведение хронологию, облекая ее потоками литературного сочинительства: «В год 836 после всемирного потопа Берик был единодушно избран свеями и гетами королем обоих королевств... В конце концов, было принято еди-

⁵ Nordstrom J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929. Stockholm, 1975. S. 136–140.

нодушное решение собрать войско достаточной силы для того, чтобы победить и подчинить неприятельские страны...». Следуя за готами в Причерноморье, Магнус плавно вводит в свое произведение историю скифов, свободно преподнося ее как историю шведо-готов. И вот уже под его пером предки шведов – готы выступают как завоеватели Азии, как соперники древнеегипетских фараонов. Многие известные герои древности, согласно Магнусу, были готского (читай – шведского) происхождения, но их готские имена оказались искаженными в последующем историописании. Например, по убеждению Магнуса, имя героя сказаний о Троянской войне Телефа – это искаженное греками готское имя Елефф, которое до сих пор встречается в Швеции. Но потом к нему подставили букву *t*, что сделало готское имя неузнаваемым⁶. Однако по характеру Телеф – настоящий гот, поскольку он – мужественный и непобедимый, унаследовавший готский характер от своей матери. Таким образом, Телеф причислялся Магнусом к готским королям и возводился в прямые предки королей Швеции. Подобная методика была типична для готицизма вообще, как шведского, так и немецкого. Приведенные рассуждения Магнуса легко ассоциируются с норманистской методикой. Вспоминается, например, крупнейший российский норманист XIX М.П. Погодин, который писал о гордой и страстной, «истой норманке» Рогнеде, об истинном витязе в норманнском духе Мстиславе Владимировиче

⁶ Johannesson K. Op. cit. S.105–106.

или о «норманнском характере» Святослава и пр. Возникает вопрос, а что это такое есть «истинный норманнский дух» или «истинный норманнский характер» и чем он отличается от духа неистинного? Откуда это романтическое любование вместо научной аргументации? Судя по всему, утопические образы, как живые организмы, кочуют во времени и пространстве, возрождаясь в подходящей среде.

Приведенные примеры показывают, что готицизм уже с самого начала не имел научного характера. Рожденный духом протеста против нападков итальянского гуманизма, также злоупотреблявшего использованием исторических источников в политико-идеологических целях, готицизм дал начало историческому мифотворчеству самых необъятных масштабов, когда известные источники стали препарироваться и домысливаться с безграничной фантазией в угоду схоластическим версиям. При этом вырабатывалась определенная методика. Когда не хватало собственных материалов и источников для сооружения исторической конструкции, то совершался рейд в чужую историю, материалы и источники которой объявлялись своими и начинали осваиваться для собственного историописания. В приведенном выше примере И.Магнус свободно и деловито преподносит древнегреческие источники как источники по истории древнешведских королей. Другим примером подобного рода является история тракийских и фракийских народов, называемых греками общим именем гетов. Она, как известно, использовалась

уже Иорданом для реконструкции готской истории, но с еще большей свободой заимствуется эта история Магнусом для его фантазийной истории гото-шведских предков. В частности, материалы из этой истории привлекаются Магнусом для того, чтобы снять с готов обвинение итальянских гуманистов в варварстве. Магнус стремился доказать, что готские предки прославились не только воинской доблестью, но своей духовной культурой и религиозными традициями.

И в этом контексте он приводит историю прославленного Замолксиса – ученика Пифагора, ставшего объектом почитания у гето-даков. Логика Магнуса понятна: он идет вслед за Иорданом, предложившим гетов считать готами, поэтому гето-дакийский Замолксис является для Магнуса законным персонажем готской истории и предком шведов. Имея в виду Замолксиса и его проповеди в русле пифагорейской школы о переселении душ, Магнус провозглашает: «Надежные лица засвидетельствовали, что готы много больше других народов были прославлены своей премудростью и разумением и уже на заре истории приняли от высокоученых мужей идею о бессмертии души...»⁷. Мысль о Замолксисе как предке шведов получила дальнейшее развитие у шведских историков XVII века. Нордстрем приводит высказывание известного шведского историка Иоанна Мессениуса (1579–1636), который в 1614 г. назвал Залмоксиса первым шведским законодателем («...primas ferme Suecorum Gothorumque Leges

⁷ Nordstrom J. Johannes Magnus... S. 174.

а *Zamolxe conditas...*»). Особого расцвета, по словам Нордстрема, подобные фантазии достигли в русле рудбекианизма, сохранявшего место влиятельного течения западноевропейской исторической мысли до середины XVIII века. Еще шведский поэт и литератор О.Далин (1708–1763), опубликовавший в период 1747–1761 гг. трехтомную историю Швеции, основанную на самой безудержной фантазии, причислял Залмоксиса к предкам шведов. Римская история также не избежала попыток И.Магнуса «объединить» ее с готской, каковая для него была идентична шведской истории. Так, он доказывал, что римский Марс, по сведениям некоторых античных авторов, был рожден среди гетов, т. е. среди готов, и, следовательно, Марс – готского происхождения. Поэтому, согласно Магнусу, в римском Марсе следует видеть не кого иного, как Одина⁸ (таким же образом норманнисты пытались в древнерусских Перуне и Волосе видеть скандинавских Тора и Одина, причем с такой же «научной» обоснованностью).

Взгляды Магнуса стали методологической основой для многих поколений шведских историков. Например, пастор Якоб Гислонис (ум. 1590) в кратком историческом компендиуме по мировой истории «*Chronologia seu temporum series...*», опубликованном после его смерти в 1592 г., сообщал, что «готы, или шведы» пришли из Скифии в Скандинавию, а оттуда расселились по разным землям и назвались

⁸ Nordstrom J. De yverbornes ö. S. 101–181.

разными именами⁹. Но даже в подобных хвалебных писаниях Гислонис ни словом не упомянул о таких шведских подвигах, как основание древнерусской княжеской династии и древнерусского государства, не названы им были и имена летописных древнерусских князей – все это выходило даже за рамки его необъятной фантазии. Идея об основоположничестве предков шведов в древнерусской истории произрастет от корня шведского готицизма позднее, в XVII в. Латвакангас, внимательно изучавший все факты упоминания русской истории в шведской историографии, отметил, что в шведских учебниках по истории, издаваемых в XVI – первой половине XVII в., собственно России никакого внимания не уделялось, разве что в рамках традиционного курса мировой истории, который преподавался, например, в Упсале или в Обо.

Также и немецкая традиция XVI–XVII вв., или шире – традиция общеевропейская, которой следовала и Швеция, в рамках своих знаний о мировой истории ничего не знала о связи Швеции с древнерусской историей. Имя русов упоминалось либо в контексте фантазий готицизма о «мировых» завоеваниях гото-шведских королей вообще, либо в трудах обобщающего характера с указаниями на генетическую связь московитов с роксоланами (Карион). Сражения против русов упоминались часто вкупе со сражениями про-

⁹ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. С. 269.

тив датчан, что наводит на мысль о существовании русов и по соседству с датчанами, на южнобалтийском побережье.

Более того, в это же время публиковались работы немецкоязычных авторов, где говорилось о варягах как населении Вагрии. Выше уже упоминалась «Космография» Мюнстера. Отождествление Мюнстером варягов с ваграми, причем дополненное упоминанием их главного города Любека, не вызвало в европейских образованных кругах никаких нареканий, из чего проистекает вывод: в XVI в. в европейской исторической науке еще не существовало идей о «германстве» варягов. Это тем более очевидно, что Мюнстер был крупным ученым своего времени, Мюнстер был знатоком исторического прошлого Германии, основной задачей труда Мюнстера было отыскание фактов, которыми можно было бы прославить германское имя, и Мюнстер не знал никаких варягов, связанных с «германским» именем. Позднее о варягах как ваграх писал и современник Мюнстера, дипломат Сигизмунд Герберштейн: «...Русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов...», издавший свои «Записки» через несколько лет после выхода в свет труда Мюнстера¹⁰.

Латвакангас обратил внимание на то, что в трудах немецких историков Слейдануса, Меланхтона, Кариона и др. маститых авторов трудов в области общеевропейской истории, издававшихся в одно время с работами Мюнстера и Гербер-

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примечания А.И.Малеина. СПб., 1908. С. 3.

штейна, не оспаривались сведения о варягах как ваграх, а происхождение русских не связывалось со Швецией. Сведения о варягах Рюрика как выходцах из Вагрии встречались во многих работах западноевропейских авторов рассматриваемого периода. Среди наиболее известных следует назвать имя ректора городских училищ в Новом Бранденбурге/Мекленбурге и Фленсбурге/Шлезвиге Бернгарда Латома (1560–1613). Он написал труд «Genealochronicon Megapolitanum» (1610) по истории Мекленбурга, включая генеалогию Мекленбургской герцогской династии, которая охватывала и правящие роды Вагрии, и Ободритского дома, одним из представителей которых, согласно Латому, был князь Рюрик, сын вагрского и ободритского князя Годлиба¹¹. Генеалогические изыскания Латома были продолжены его соотечественником И.Ф.Хемницем (1611–1689), подтвердившим сведения Латома. Вагрское происхождение Рюрика не подвергалось сомнению и в работах немецких авторов XVIII в., в частности таких, как знаменитый философ и математик Г.-В.Лейбниц, составители генеалогических таблиц И.Хюбнер, Ф.Томас, историки Г.Клювер, М.Бэр, Д.Франк, С.Бухгольц и др.¹²

¹¹ Latomus Bernhard. Genealochronikon Megapolitanum // J.E. Westphalen, Monumenta inedita. Leipzig, 1739. P. 9—67; Thomas F. Avitae Russorum atqve Meclenburgensium Principum propinquitatis seu consanquinitatis monstrata ac demonstrata vestigia. Rostok, 1717. S. 7.

¹² Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сб. РИО. Т. 8. С. 136–143; Он же. Откуда родом варяжские гости? Ге-

Данные о Рюрике, призванном от варягов/вагров, сообщались и другими западноевропейскими авторами, например, французским историком и натуралистом К. Дюре (ум. 1611) в его «Всеобщем историческом словаре», польским хронистом М. Стрыйковским (род. 1547), главой посольства Священной Римской империи в Москву в 1661–1662 гг., дипломатом А. Майербергом в его книге «Путешествие в Московию», прусским историком XVII в. М. Преториум и др.¹³ Иными словами говоря, княжеское вагрско-ободритское родословие Рюрика относилось к числу общеизвестных фактов вплоть до середины XVIII в., когда под влиянием исторического догматизма, овладевшего историософией эпохи Просвещения, были преданы анафеме некоторые источники, не подходившие под модные теории, в том числе и источники о родословии Рюрика. Однако память о Рюрике из Вагрии-Мекленбурга продолжала существовать в устной традиции, что свидетельствует о глубоких местных корнях этих сведений. Доказательством тому служат материалы французского исследователя фольклора К. Мармье, записавшего в первой половине XIX в. во время путешествия по Мекленбургу устное предание о трех сыновьях князя Годлиба, призванных в Новгород на правление¹⁴. Записи Мар-

неалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005.

¹³ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 36–37, 429–430; Он же. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Выпуск 1. С. 378–379.

¹⁴ Marmier X. Letters sur le Nord par X. Marmier. Paris, 1841. P. 30–31.

мье хорошо известны, но от них принято небрежно отмахиваться. Подобное отношение к сведениям устной традиции, касающихся русской истории, достаточно типично и свидетельствует о неадекватности восприятия именно древнерусских источников. Никому не приходит, например, в голову подвергать сомнению значение письменно зафиксированной только в XIX в. «Калевалы» как исторического памятника. Записи Мармье – это полевые материалы этнографических исследований, т. е. этнографический источник, который тем более интересен, что зафиксированная им устная традиция подкрепляется данными самых разнообразных письменных источников.

Зачисление варягов Рюрика в «германцы» началось в XVII в. как результат все нараставшей в рамках готицизма склонности к мифологизации истории. И первый шаг в этом направлении был сделан именно в шведском обществе, более столетия воспитывавшемся на идее особого величия Швеции в древности как прародины готов – «кузницы народов и матери племен». До немецкоязычной традиции эта идея дошла только к началу XVIII в., уже под влиянием рудбекианизма, который постепенно вытеснил автохтонное знание о варягах как о ваграх. Отмеченное свойство готицизма – легко покидать лоно науки и перерождаться в мифотворчество – объяснялось его исходной политизированностью: в этом смысле готицизм никогда и не был наукой. Он родился в форме политического протеста «угнетенных» го-

тов, и мина несправедливо «забигаемых» страдальцев стала переходить по наследству ко всем последователям традиций готицизма, дойдя до современных норманистов. Методика, рожденная мифотворчеством готицизма, со всей полнотой проявилось в родственном готицизму *рудбекианизме* – феномене западноевропейской исторической мысли XVII–XVIII вв., зародившемся в шведском обществе. Вот какова краткая характеристика рудбекианизма.

Надо сказать, что у шведского готицизма с самого начала возникла проблема несоответствия между названием Швеции и именем готов, поскольку имя страны – *Sverige*, означавшее *Svearike* – *Свейское королевство*, было связано с другим предком шведов – свеями, которых возвеличивание готов заслонило и отодвинуло в тень. Здесь мне хотелось бы привлечь внимание к одному существенному моменту в шведской истории, который чрезвычайно важен в данном контексте. В современной исторической науке, особенно в работах последователей норманистских концепций, недостаточно учитывается тот факт, что шведское общество, как, впрочем, и все остальные общества, не возникло как исторически гомогенный феномен. Оно образовалось из двух этнополитических компонентов – областей гетов и свеев. От их слияния, как зафиксировано в официальном документе, и создано королевство Швеция: «Королевство Швеция вышло из языческого мира, когда соединились страны Свея и Гота. Свея называлась земля на се-

вере, а Гота – земля на юге» (Sverikis rike är af hedne värld samankomit af Svea och Gotha landh. Svea kalladis nordanskogh och Gotha sunnanskogh)¹⁵. Данной декларацией открывалась новая редакция общегосударственного свода законов, принятая в 1442 г. при одном из королей Кальмарской унии, Кристоффере Баварском (1418–1448). Объединение земель Свей и Геты/Готы в шведской истории можно сравнить с объединением «юга» и «севера» в истории многих государств, что и становилось поворотным моментом в процессе их политогенеза. И как у многих народов, память о собственных древних корнях долго сохранялась как у потомков гетов, так и у потомков свеев. Даже сейчас в современном шведском обществе вспыхивают время от времени дискуссии о том, кто был ведущим в шведской истории – свей или геты, откуда пошла государственность и т. д. Это соперничество имеет глубокие корни и длительную историю. В процессе развития именно королевский род свеев, или упсальский род, стал правящим в пределах объединившихся земель, а из имени Свеярике родился общий политоним – Швеция, т. е. Sverige или Svearike, благодаря чему свей традиционно рассматривались как наиболее выдающийся предок шведов.

И вдруг развитие готицизма начинает испытывать основы этой традиции, поскольку образ гетов, соединенный с древней историей готов, приобретает неслыханный блеск.

¹⁵ Sveriges regeringsformer 1634–1809 samt konungaförsäkringar 1611–1800, utgiven av Emil Hildenbrand. Stockholm, 1891. S. 1–57.

Юг Швеции, или Геталандия, оказывается колыбелью и истоками великого гото-германского начала, откуда вышли основоположники и зиждители западноевропейской культуры. Шведские короли, еще недавно сверху вниз смотревшие на титул готских королей, начинают величаться их славой. Нетрудно догадаться, что готицизм должен был вызывать некоторый внутренний дискомфорт в шведских интеллектуальных кругах XVI века.

Ощущение психологического дискомфорта оттого, что имя готов воспарило и приобрело неслыханную известность, а имя свеев оказалось обойденным историческими чинами, проявилось уже в труде Эрика Олая «*Chrinica regni Gothorum*». Пытаясь примирить означенное противоречие, Олай писал, что «имя страны *Sverige* – это искаженное *Zwerike* d.i. «*duo regna*»... «*Cui concordare dicunt, quod ciuitas principalis Suitensium* [«*der Schweizer*»], *que se a Suecis siue Gothis deuenisse fatetur, vocatur Zwerik, i.e. «duo regna», et latine Turegum*»»¹⁶. Толкование *Svearike* как *Zweirike* явно относится к числу «рискованных этимологий», используя уже приводимое выражение Нордстрема, но, к сожалению, таковыми являются большинство «этимологий» готицизма, в рамках которого закрепились традиции произвольного манипулирования именами или частями слов для подтверждения умозрительных концепций. И к еще большему сожалению, традиции «этимологий» готицизма в свое время плав-

¹⁶ Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. S. 44.

ненько перешли в норманнизм. На мой взгляд, толкование Швеция как Цвейрике по «научности» мало уступает толкованию Руси от шведских *родсов-гребцов*, о чем разговор будет вестись в следующих главах.

Размышления представителей шведского готицизма о том, как соединить свеев с идеей великого готского прошлого в истории Швеции, и явились, очевидно, побуждающим мотивом к рождению утопии *рудбекианизма* – от имени шведского литератора XVII в. Олафа Рудбека (1630–1702) – понятие, которое я начала в своих статьях вводить в научный обиход, поскольку хотя рудбекианизм и упоминался еще А. Шлецером, он остался совершенно за пределами внимания российских ученых. И, тем не менее, рудбекианизм оказал существенное влияние на развитие российской исторической науки, ибо под воздействием О.Рудбека произошло формирование исторических взглядов Г.З. Байера, и, следовательно, рудбекианизм является одним из истоков норманнизма.

Здесь следует сказать, что вообще все истоки норманнизма идут из Швеции. Заслуга этого принципиально важного открытия принадлежит В.В. Фомину, в работах которого впервые была представлена развернутая аргументация, опровергающая укоренившееся в науке представление о Байере как родоначальнике норманнизма, в основе которого виделся «... «немецкий патриотизм», свысока взиравший на «варварскую Русь»». Фомин показал, что взгляды,

составившие ядро норманнизма, берут свое начало в Швеции XVII в., а побудительной силой для них выступила политическая мысль шведских придворных кругов, связанных с завоевательной политикой Швеции того периода. Родоначальником норманнской теории выступил шведский дипломат и историк П. Петрей (1570–1622), поскольку именно в его работе впервые прозвучала мысль о шведском происхождении летописных варягов¹⁷.

Феномен норманнизма, на мой взгляд, имеет как бы двойную природу. Совершенно справедливо указывалось в работах некоторых российских историков на то, что появление идей о шведском происхождении летописных варягов в шведской историографии XVII в. было обусловлено сугубо политическим фактором – внешнеполитическими устремлениями шведской короны этого периода, направленными на идеологическое обоснование территориальных приобретений в пределах Новгородской земли.

Но у норманнизма был и еще один источник, пройдя мимо которого, мы не сможем понять, каким образом идеи, родившиеся в среде шведских литераторов и историков XVII в. под влиянием шведской внешней политики этого периода, перешли затем в общеевропейскую историософию, отделившись от материнского организма. Научной субстанции в идеях о шведском происхождении летописных варягов

¹⁷ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 8—47; Он же. Начальная история Руси. М., 2008. С. 9—16; Он же. Варяго-русский вопрос... С. 340—342.

было ровно столько же, сколько в высказанных несколькими десятилетиями ранее уверениях шведского готицизма о гото-шведском происхождении таких исторических героев, как древнегреческий Телеф, как ученик Пифагора Замолкис или как древнеримский Марс.

Следовательно, речь здесь должна идти о таком феномене, как влияние утопий на человеческое сознание и способности этих утопий приспосабливаться к жизни в лоне науки, становясь на какое-то время ее частью. Безусловно, жизнеспособности утопий способствует заинтересованность в них большой политики. Но если бы дело было только в политическом прагматизме, то от утопий было бы несложно избавиться: кончился прагматизм – кончилась и утопия. Сложность заключается в том, что утопия входит в сознание и становится вопросом веры и привычки. И в качестве догмата веры уже утопия может влиять на политику, требуя воспитания общества в системе определенных ценностей. Эта мысль хорошо иллюстрируется историей рудбекианизма.

Надо сказать, что интерес к античным источникам, пробудившийся в западноевропейской общественной мысли под влиянием итальянских гуманистов, вызвал из забвения и такой источник, как мифы о гипербореях. В ученых кругах Западной Европы обнаружилась тенденция рассуждать о том, чьими предками были гипербореи. В 1569 г. было опубликовано сочинение нидерландского географа Иоанна Гропиуса Бекануса «*Origines Antwerpianae*», где он высказывал мысль,

что античные мифы о гиперборейцах описывают древнее прошлое народа кимбров. Этим объемистым трудом, по характеристике шведского историка Нордстрема, Горопиус воздвигнул монумент древнему народу кимбров, в которых он видел одного из основателей Антверпена. Поэтому он постарался проследить их историю из самой глубины времен, т. е. от библейских предков. По мнению Горопиуса, язык кимбров являлся праязыком для европейских народов, и современные ему жители Антверпена сохранили его древнее благозвучие. От кимбров произошли основные народы Европы, получив в наследство их древнюю мудрость. Именно от кимбров, считал Горопиус, получили древнегреческая и древнеримская культуры свое ценнейшее содержание (как видно, обвинения итальянских гуманистов в адрес северных варваров породили массу ответных теорий со стороны «северных варваров»). В качестве источника для своих теорий Горопиус обращается к мифам о гиперборейцах, которые, по его убеждению, были кимврского происхождения, соответственно, греки получили свою культуру от кимбров. Поскольку споры о предках народов были популярны в то время в ученых кругах, то Горопиус проявил осведомленность и о труде Иоанна Магнуса, скептически отозвавшись о поисках прародины готов в Швеции. В соответствии с мнением Горопиуса, готы не вышли с юга Швеции, а переселились туда с европейского континента в ходе одной из последних волн колонизации, что тоже вполне почетно для шведских предков.

Другой предок шведов – свей – пришли из нынешней Германии и являются переселившимися в Скандинавию свевами.

Сочинение Горопиуса привлекло внимание крупного шведского деятеля в области словесности Юхана Буре (1568–1652). В Упсальской библиотеке Ю.Нордстрем нашел экземпляр «*Origines Antwerpianae*», принадлежавший Ю.Буре. Книга испещрена его заметками, свидетельствующими о внимательном ее изучении. Из комментариев Буре явствует, что больше всего его заинтересовали рассуждения Горопиуса о прародине гипербореев, вернее, о том, где она находилась. Он язвительно критикует все соображения Горопиуса и, в конце концов, завершает записи восклицанием: «Все, кто в здравом уме, могут увидеть, что Гиперборея – в Скандии» («*Om de icke äre galne, kunne de ju see at Hyperborej är in Scandia*»). Это восклицание венчает начерченный Буре эскиз карты Скандинавского полуострова, на котором область вокруг озера Меларен, или исторический центр области расселения свеев (иначе говоря, столь любимая норманнистами Средняя Швеция), названа как Гиперборея, а таинственные Рифейские горы помещены на севере, на месте северных отрогов Скандинавского хребта. От земель свеев легким пунктиром намечен предполагаемый Буре маршрут гипербореев на остров Делос¹⁸.

Таким образом, Буре проникся мыслью, что под именем гипербореев описаны предки свеев, и под влиянием этого

¹⁸ Nordstrom J. De yverbornes ö. S. III—116.

озарения он, опираясь на мифы о гиперборейцах как «источник», начинает «восстанавливать» древнюю историю свеев. Удивляться этому не приходится, имея в виду, что ко времени Буре шведское общество уже более ста лет воспитывалось на мысли готицистов о том, что многие античные и другие источники содержат сведения по древней истории Швеции, если их «правильно» интерпретировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.